

Раздел: Духовное наследие Церкви АСД

Статья

Всеволод Андрусак, директор ЦИТЕУ ЕАД

Ключевое значение концепции инспирации

(Роль пророков в передаче Божественной вести)

На протяжении всей истории Бог посылал Свои откровения человечеству. Но следует помнить, что их природа имеет *Божественное* происхождение и, следовательно, не может быть до конца постигнута ограниченным человеческим разумом. Более того, процесс функционирования «откровения» и «инспирации» невозможно адекватно описать на человеческом языке. Опираясь на только что упомянутые понятия, следует заметить, что сам феномен передачи Божественной вести человечеству можно разделить на две составные части. Первая (откровение) – это передача Божественного откровения пророку. Вторая (инспирация) – передача вести от пророка к людям. Пророк наделяется Богом способностью донести полученное откровение на доступном языке тем, кому оно предназначено. Если в первой части Божественная весть посылается непосредственно пророку, и Сам Бог определяет каким образом открыться ему, то в следующей части к передаче Своего откровения Бог приобщает вестника. Пророк становится частью Божественной вести и передает ее на своем родном языке, с учетом контекста культуры, образования и, несомненно, авторского стиля. Разумеется, мы не в состоянии постичь великую тайну взаимодействия Божественного и человеческого начал в процессе инспирации. Однако ясно одно: когда это происходит, тогда совершенная Божественная весть передается через несовершенного человека. В этом священном процессе земной пророк, становится Божественным инструментом, коему Бог доверяет стать Его устами.

Непостижимость этой тайны (о воздействии Божиим на пророка и степени его зависимости от Духа Святого), привела к различным интерпретациям и концепциям. Существует понятие механической (вербальной) инспирации, которая предполагает, что Дух Святой диктовал пророку все слова посылаемого откровения. Сторонники этой концепции считают, что пророк является орудием в руках Божьих и при передаче полученной вести не учитываются особенности личности вестника. Под вербальной (полной) инспирацией подразумевается сохранность всей полноты и целостности божественной вести. Очевидно, что в теории механической инспирации роль пророка сведена до минимума. Приверженцы этого взгляда считают, что пророк получает свою весть от Бога дословно, при этом *атрибутами* человеческой составной в процессе передачи вести несомненно является «рука» или «перо» пророка. Надо сказать, что в середине XIX-го века, в эпоху торжества критицизма, эта концепция была одной из доминирующих. В таком историко-культурном контексте зарождается Церковь АСД.

Надо подчеркнуть, что в этой весьма непростой ситуации, адвентистским богословам пришлось приложить немало усилий к защите достоверности Священного Писания, участвуя в дебатах, связанных с нападками на Библию представителей школы высшего критицизма, так сказать, наследников эпохи Просвещения. Вовлеченность адвентистских пионеров в полемику по проблеме инспирации, оказало существенное влияние на представления многих адвентистских служителей того времени, обусловила их позиции. По существу, это способствовало формированию в адвентизме представления о непогрешимости Священного Писания.

Между тем эта тема, бурно обсуждавшаяся в лоне Церкви на раннем ее этапе, вновь возникла, но уже в другом контексте. К 1880-м годам фокус усилий адвентистских богословов был смещен от дебатов вне Церкви на внутрицерковный кризис, связанный с природой и авторитета трудов Елены Уайт. Церкви необходимо было представить свое понимание, свой взгляд на концепцию инспирации. В итоге, на Генеральной конференции в 1883 году такая концепция была сформулирована и принята. Церковь принципиально оспорила и отвергла концепцию вербальной инспирации, доминировавшей в то время, и приняла новую. Ее суть выражалась в следующей формуле: при передаче пророком Божественной вести взаимодействие Божественных и человеческих начал происходит на уровне мыслей (сознания) пророка. Надо сказать, что эта позиция не выдумана богословами, а основана на библейском описании процесса инспирации, указывающем, что Божьи пророки «движимы Духом Святым».

В такой именно логике концепция инспирации определяет авторитет трудов Елены Уайт и отношение к ним. К сожалению, у некоторых адвентистов не всегда в этом вопросе сбалансированный взгляд. Отсюда крайности, которые приводят к неверному применению ее трудов и даже к их дискредитации. Напомним, что апологетические достижения пионеров по защите достоверности Священного Писания от нападков приверженцев высшего критицизма несомненны, но в некоторых моментах не бесспорны: принцип непогрешимости обрел уязвимые акценты, которые неизбежно сказались в подходе к трудам Елены Уайт. Оказалось, что непогрешимыми стали не только Священные Писания, но и труды Елены Уайт, которую они признавали за Божьего вестника, равного библейскому пророку.

Между тем неоценимую помощь в определении авторитета своих трудов оказала сама Елена Уайт. Свое служение она приравнивает к служению неканонических пророков. Во вступлении к переизданной в 1888 году книге «Великая борьба» Елена Уайт изложила свое понимание откровения и инспирации: «Согласно Слову Бога, Его Дух должен продолжать свою работу в период распространения Евангелия. В течение долгих столетий, когда создавались Писания Ветхого и Нового Заветов, Святой Дух помимо откровений, которые должны были войти в священный канон, не переставал также просвещать и отдельные души... В Библии также упоминается и о пророках, живших в различные века, но слова которых остались незаписанными. И когда работа над составлением канона Писания была завершена, Святой Дух продолжал просвещать, предостерегать и

утешать детей Божьих» (Великая борьба, с. х). Вестница Божия ни коим образом не считала свои труды выше Священного Писания. Она не ставила свои труды рядом с Библией, на один уровень. В отличие от Писания, которое она называла «большим светом», свои труды она называла «меньшим светом». В упомянутом уже Вступлении она писала: «Дух [пророчества] дан не для того, чтобы заменить собой Библию». Это чрезвычайно важно помнить и понимать!

Говоря об инспирации, как о процессе объединения Божественных и человеческих усилий, следует помнить о несовершенстве человеческого языка. Пророки передают Божественную весть на доступном для людей языке, и, будучи сами по своей природе несовершенными (в силу разных обстоятельств воспитания и образования), они привносят в эту весть элемент несовершенства.

На страницах Священного Писания пророки, несущие Божественную весть предстают перед нами, как обычные смертные люди с присущими человеку недостатками. У нас нет возможности говорить об известных несовершенствах (в некоторых случаях и ошибках), встречающихся на страницах Библии. Но несмотря на это Бог не прекращал передавать через них Свои вести. И если пророки иногда допускали ошибки и даже грехи, Бог достигал Своей цели, исправляя их ошибки либо через самого пророка, либо при необходимости, через других вестников.

Таким образом, говоря о служении пророков, будет неверно сосредоточиться на их ошибках, недооценивая их миссии. Божье отношение к пророкам должно научить и нас. Будь воля некоторых современных христиан, не имеющих правильного представления об инспирации и служении пророков, они вряд ли стали считать Иону истинным Божьим пророком ввиду того, что тот отказался от выполнения порученной ему в Божественном откровении миссии и бежал в Фарсис. Но Бог не человек, Он считается с личностью, учитывает её недостатки, иногда снисходит к несовершенству и ограниченности смертных людей.

Концепция инспирации, предполагающая вдохновение мыслей пророка (в отличие от механической, вербальной инспирации), означает, что пророк обладает свободой в выборе слов, передавая Божественное откровение. Стиль передачи вести предопределен его происхождением и воспитанием, родом деятельности, культурой и многими другими факторами, определяющими особенности личности пророка. Различия языка и стилей написания различных книг Библии является подтверждением этой истины, ставшей безусловной аксиомой. Очевидно, что вести пророков, живших в различные эпохи, культурологически обусловлены. Но здесь возникает вопрос о степени обусловленности той или иной вести культурой конкретного времени. Крайний взгляд в этом вопросе может привести к тому, что такие вести, родившиеся в древнем, ветхозаветном мире, устарели и не могут считаться актуальными для другой эпохи.

По словам Анджела Родригеса, толкование с применением культурологически обусловленной концепции инспирации, к которой, в частности, прибегает Грэм Брэдфорд в книге «И пророки тоже люди», не бесспорно и может оказаться опасным. Профессор Родригес не голословен. Он считает, что при таком методе

толкования сам факт ниспослания закона (Десяти заповедей) может быть сведен лишь грандиозному историческому событию на горе Синай, произошедшему не столько в реальности, сколько в сознании автора-метафизика, выразившего свое неотразимое впечатление в слове; по сути же, народ Израильский, якобы, услышал лишь глас Божий, провозгласивший закон. Поместив это событие в культурологический контекст, библейские критики могут утверждать, что Бог никак не мог писать на камне. Более того, что это своего рода литературный прием, посредством которого закону придается Божественный авторитет. В древности на Ближнем Востоке существовала практика, когда языческие боги передавали царям свои законы для всего народа, следовательно, именно так могло быть и с народом израильским.

Применяя подобного рода концепцию в толковании трудов Елены Уайт (культурологически обусловленного откровения), можно искаженно истолковать отдельные ее высказывания, по разным причинам непонятные пока еще для нас. В своей оценке книги «И пророки тоже люди» Денис Фортин не без оснований подчеркивает, что, ограничивая труды Елены Уайт определенным культурологическим контекстом, автор делает их неактуальными сегодня, сводя их пророческое значение до уровня тривиальных советов пастора или евангелиста.

Тема Божественного откровения одна из чрезвычайно сложных тем для понимания, заслуживающая ответственного и осторожного отношения. Крайности в ее понимании или смелые гипотезы могут привести к неверному толкованию Библии и трудов Е. Уайт. В этом смысле адекватное понимание и интерпретация таких сложных понятий как «откровение» и «инспирация» является определяющим в обретении компетентного и сбалансированного подхода к оценке трудов Елены Уайт и ее деятельности. Глубокое, всестороннее знание этой темы позволит сохранять доверие к ее трудам даже тогда, когда вы прочтете, скажем, в интернете, печатном критическом материале описание различных недостатков из жизни Елены Уайт или труднообъяснимые высказывания. Следовательно, предпосылкой доверия трудам Вестницы Божией должны стать не ее недостатки или ошибки в ее трудах (что присуще, как мы уже говорили, и библейским пророкам), а ценность ее трудов и служения, подтвержденные временем и самой жизнью. Тот факт, что на протяжении 70 лет Бог посылал Свои вести для Церкви, становление которой происходило при пророческом служении Е. Уайт, является весомым доказательством подлинности дара и трудов вестницы Божией.